

Сергей КИБАЛЬЧИЧ

«МЫ НЕСЛИСЬ В ОДНОЙ КАРЕТЕ...»

Памяти Карена Степаняна

Я не состою в социальных сетях. Не потому, что мне это неинтересно — не хватает времени. Одна только электронная почта съедает в день полчаса, а то и час. Поэтому я всегда рассуждал так: буду все время *в контакте* — когда же все остальное делать?

Осенью прошлого года у меня был случай убедиться, что в этом вопросе я все же, наверное, не прав.

1

Утром 17 сентября я сидел в аэропорту Пулково в самолете, который должен был доставить меня в Саранск. Спустя годы после того, как впервые побывал в Болдине, с большим перерывом после последнего приезда туда я снова летел в эти благословенные пушкинские места.

И вот уже сидя на борту самолета, благо до отправления оставалось еще несколько минут, я открыл на смартфоне свою электронную почту и... остолбенел. Один из

Сергей Кибальчич (настоящее имя Сергей Акимович Кибальник) родился в 1957 году в Волгограде. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ). После окончания и по сей день работает в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук. Член Международного общества Ф. М. Достоевского. Автор восьми книг по истории русской литературы, в частности «Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе» (2011), «Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского» (2013), «Чехов и русская классика: проблемы интертекста» (2015) — а также двух литературно-художественных книг: «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-травелог» (2008), «МВитьки. Стихи и „прозы“, соображенные ночью на двоих и на троих on- и off-line» (2017, в соавторстве с Виктором Мальцевым). Публиковался в журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Волга», «Литература». Живет в Санкт-Петербурге.

моих знакомых писал о смерти Карена Ашотовича Степаняна, который, оказывается, скончался еще позавчера.

Вопору было хоть просить выпустить меня из самолета. Но он как раз тронулся, и я стал думать о том, что, в конце концов, Саранск от Москвы не дальше Питера.

Вот приеду сегодня, завтра выступлю и «презентую» книжку, а послезавтра в Москву. Но когда я приземлился в Саранске и позвонил общим знакомым, оказалось, что похороны не послезавтра, а завтра.

В саранском аэропорту меня уже ждал частник-таксист, с которым я сговорился заблаговременно через болдинских коллег. Стоя в просторном, как самолетный ангар, и полупустом новеньком саранском аэропорту, выстроенном специально для недавнего чемпионата мира по футболу, я еще какое-то время размышлял, не пойти ли сразу за билетом на ближайший московский рейс...

Добро бы еще я лично знал тех, кто меня пригласил... Объяснить незнакомым людям, почему я все назначил, но так и не приехал, было бы непросто. И я сел в ожидавшую меня машину...

На следующий день, выступив и проведя презентацию, я, к своему удивлению, даже слегка расквасился. Старинной дорогой моей приятельнице Наталье Михайловой, пушкинистке и поэту, сразу удалось найти правильные слова:

— Не увидите его в гробу — лучше запомните живым!..

Я и в самом деле неплохо помню, каким Карен Степанян был во время наших многочисленных, хотя и отнюдь не частых встреч. Но, как водится, только теперь в полной мере осознаю, как многое ушло вместе с ним.

Недаром одна из его лучших книг о Достоевском и называлась — по слову самого писателя — «Сознать и сказать»...

2

Есть такие люди, важность присутствия которых в жизни до конца не осознается. Будущие встречи и беседы с которыми всегда с тобой. Это как праздник, который обязательно наступит вслед за скучными, серыми буднями...

В 2007 году я проводил в Пушкинском Доме конференцию, посвященную 70-летию и одновременно уже памяти академика Александра Михайловича Панченко. Как всегда, очень интересно выступал на ней Карен Степанян, который знал и любил Панченко.

Помню, как только я сказал ему о том, что буду — вместе с сыном Панченко, также филологом и также Александром — готовить такую конференцию, он сразу зажегся и долго рассказывал мне о своих встречах с ним. И в сборнике по материалам конференции напечатал одну из лучших своих статей — «Достоевский и Франциск Ассизский»¹.

Так вот мы и сблизились с Кареном — отчасти через сопереживание общей потери. Кто бы мог подумать тогда, что не доживет до своего 70-летия и сам Карен.

Можно сказать, что в его личности, как и, например, в личности невольного приходящего на ум в связи с ним Чехова, было две существенных грани, дополнявших и обогащавших друг друга. Большую часть жизни Карен Степанян проработал в журнале «Знамя», стал известным литературным критиком. И одновременно был литературоведом, как рыцарь, всю жизнь сохранявшим верность одному писателю — Достоевскому.

Как и у Чехова, одна из страстей оказалась в нем гораздо сильнее. Не случайно о Достоевском он написал неизмеримо больше, чем о современной русской литературе. Хотя и из этих его статей можно было бы составить добротную книжку... Многим памяты его блестящие статьи о Владимире Макашине, диалог о нем с Татьяной Толстой,

¹ А. М. Панченко и русская культура. Исследования и материалы. Отв. ред. С. А. Кибальник и А. А. Панченко. СПб., 2008. С. 167–188.

споры о постмодернизме и о прозе конца одного и начала другого века... Приход не одного нового писателя он приветствовал².

О Достоевском кто только не писал, и как непросто выделиться в этом потоке! Но работы Степаняна всегда выделялись. Он писал о Достоевском как о нашем современнике, а книги писателя были для него мучительным поиском разрешения проблем жизни, встающих перед каждым человеком на его пути.

В последние годы он успел еще выпустить целую серию книг. В трех из них Достоевский представлен в его связях и в сопоставлении с крупнейшими фигурами западноевропейской литературы: «Достоевский и Сервантес» (2013), «Шекспир, Бахтин и Достоевский» (2016). Две изданы в серии МГУ «Школа вдумчивого чтения»: «Путеводитель по роману Достоевского “Преступление и наказание”» (2014), «Путеводитель по роману Достоевского „Братья Карамазовы“» (2018). Получилось — как у самого Достоевского в последние полтора десятилетия жизни — своего рода «пятикнижие».

Насколько я знаю, в его замыслах была еще книга на тему «Достоевский и Бальзак». Последние его доклады на конференциях были связаны как раз с этой темой³. И она нас также сближала.

Мне кажется, особенно хороши — и это далеко не только мое мнение — его работы, посвященные роману «Идиот». Если вы хотите почитать о «Братьях Карамазовых», то есть исследования Валентины Ветловской, Владимира Кантора, многое другое и, конечно же, как всегда, наше вечное и главное подспорье — русская религиозно-философская критика. Но если вас интересует «Идиот», то ничего лучше работ Карена Степаняна вы не найдете.

Об этом романе он писал на протяжении всей своей жизни, и книга «Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени», вышедшая в 2013 году, только венчает собой огромное здание, которое он выстроил...

Одному ему, может быть, удалось пройти мимо Сциллы обожания и Харибды развенчания князя Мышкина.

Один он показал, как глубина этого — пожалуй, самого привлекательного и одновременно самого трагичного — героя Достоевского произрастает из его прообразов: Иисуса Христа (не столько Эрнеста Ренана, сколько Евангелия от Иоанна) и Франциска Ассизского, сервантесовского Дон-Кихота и пушкинского «рыцаря бедного»...

Один он впервые увидел отражение в романе утопической надежды на то, что можно одновременно любить двух женщин, долгое время питавшей роман Достоевского и собственную внутреннюю жизнь писателя в период его создания.

Один он увидел воплощение в «Идиоте» попытки преодоления человеком своей «тварной» природы, не позволяющей ему возвыситься до «чистой, божественной, райской любви, которая может быть обращена ко всем людям на земле и воссоединяет человека со всеми»⁴.

Достоевский при таком подходе неожиданно оказывается совсем не традиционалистом, каким его себе нередко представляют, а смелым реформатором традиционных половых, семейных и общественных отношений. И таким писатель, вообще-то, и был. Только поскольку таких, как Степанян, мало, мы до сих пор представляем это себе довольно плохо.

² Был среди таковых и я: Карен Степанян был одним из нескольких авторов послесловия к моему роману «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. Мужской роман-травелог» (СПб.: ИД «Петрополис», 2008. С. 253 — 255).

³ См., например: Карен Степанян // Достоевский — переводчик Бальзака. Начало формирования «реализма в высшем смысле» // Вопросы литературы. 2018. № 3. С. 317—345.

⁴ Карен Степанян. «Идиот» — роман-загадка // «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского. М., 2005. С. 126.

В этих работах Карен Степанян выступает страстным поборником христианского искусства, великими представителями которого были Сервантес и Достоевский и к которому человечество вновь, как был убежден исследователь, неизбежно обратится в будущем:

«Что для этого надо — чтобы грядущие испытания привели человечество к обретению новой соборности и люди, сбросив „демоническую маску“ индивидуализма, вновь обрели в себе — как герой Сервантеса в конце своего пути — „Алонсо доброго“ — или чтобы родились, опережая события, новые художники, которые помогут возвращению своих читателей к поиску обретения высших ценностей — покажет *большое время*»⁵.

Эта бахтинская категория присутствует во многих работах исследователя. В этом *большом времени* откроется, я думаю, настоящее значение и сделанного им самим...

3

Как всегда в таких случаях, только уже после смерти Карена Степаняна стало ясно, что последние его книги — это творческое завещание верного приверженца христианского искусства, для которого выбор главного героя его жизни был неизбежен, как судьба:

«Достоевский, продолжая великую традицию русской культуры, сделал в своем творчестве гигантский шаг к превращению литературного произведения во „внехрамовую литературу“ — не по насыщению своих романов богословской лексикой или описанием церковных таинств, чего у Достоевского нет, как неоднократно говорилось, а по конечной цели — преобразению читателя в процесс прохождения вместе с автором и героями их крестного пути»⁶.

Не случайно сам Карен в одном из интервью говорил об этой своей книге:

«Хотя по жанру книга моя литературоведческая, в смысле актуальности, считаю, она и публицистическая»⁷.

В сущности, это можно сказать почти обо всех его книгах. Ведь как писала о книге «Сознать и сказать» Ирина Ахундова, главный сюжет романов Достоевского, по убеждению Степаняна, «составляет личная история спасения человека». Как и сам Достоевский, его герои хорошо понимают, что «отвлеченные представления о нравственности и даже отвлеченная вера ничего не стоят»⁸.

Может быть, также и поэтому личность Карена Ашотовича теперь вызывает у меня смутные ассоциации с князем Мышкиным и его далеким литературным прообразом — «рыцарем печального образа». «Рыцарем горестной фигуры», как это звучало в пародии Тургенева, Некрасова и Панаева на Достоевского: так тогда переводили прозвище главного героя великого романа Сервантеса.

Впрочем, ничего печального или горестного внешне в Карене никогда не было. Тем более что о своей болезни, с которой он прожил все последние годы, он никому не говорил.

Так что и сходство это скорее не с Дон-Кихотом, а с Мышкиным — в благородстве, скромности и деликатности, в рыцарской верности своему делу...

...И с Сервантесом. Все-таки успевшим написать и дописать главную книгу своей жизни, уже в преклонном возрасте, незадолго до смерти. Как и сам Карен Степанян,

⁵ Карен Степанян. Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени. М., 2013. С. 362.

⁶ Карен Степанян. Шекспир, Бахтин и Достоевский. Герои и авторы в большом времени. М., 2016. С. 292.

⁷ Карен Степанян о Достоевском, читавшем Сервантеса, и поисках Бога в литературе // Православие и мир. Ежедневное интернет-издание. URL: <https://www.pravmir.ru/karen-stepanyan-o-dostoevskom-servantese-i-poiskax-boga-v-literature/>

⁸ Ахундова И. Достоевский: сознать и сказать // Московская правда. 17 января 2006 г.

все же выпустивший свой заключительный пентаптих, начатый книгой «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского» (2010).

Кстати, книга эта вышла в Санкт-Петербурге. Полемизируя с Михаилом Бахтиным, Степанян в ней снова предстает прежде всего христианским толкователем Достоевского. В начале каждого из его романов он видит в первую очередь явление (Христа или Богородицы) и только затем уже диалог — спор о нем героев.

Всю свою жизнь Карен Ашотович хотел работать в Институте мировой литературы РАН, аспирантуру которого он окончил. Эта его мечта исполнилась незадолго до смерти. Не порывая своих не менее дорогих для него профессиональных связей с журналом «Знамя» (он заведовал в нем отделом критики, а в последние годы был и членом редколлегии), Карен Степанян стал главным редактором ежеквартального журнала ИМЛИ РАН «Достоевский и мировая культура»⁹.

Выступал с публичными лекциями, был полон новых проектов. Преподавал в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете. Был вице-президентом Российского общества Ф. М. Достоевского.

Во время одного из наших последних с ним разговоров жаловался, что не все успевает. Казалось бы, вот теперь только и жить. А он становился все более замкнутым и сосредоточенным...

Писал дневник и три последних года жизни печатал фрагменты из него — разве что не в отдельном периодическом издании, как это делал сам Достоевский¹⁰.

Последняя фраза из последней публикации этого дневника — в апрельском номере журнала «Нева» за прошлый год — очевидная вариация на тему часто цитируемого признания Достоевского из его известного письма к Н. Д. Фонвизиной. Только если у Достоевского речь шла об истине и Христе, то у Степаняна — об истине и России:

«Если б кто мне доказал, что Россия вне истины и действительно было бы, что истина вне России, то мне лучше хотелось бы оставаться с Россией, нежели с истиной...»¹¹

4

Возможно, потому что мне не удалось проститься с Кареном Степаняном, и я переживал его уход далеко от Москвы, у меня тогда же написались по этому случаю стихи. Они, конечно, далеки от совершенства, но, надеюсь, передают хотя бы крупицу если не его личности, то моего отношения к нему:

ПАМЯТИ КАРЕНА СТЕПАНЯНА

Мы неслись в одной карете,
 Был он мне как старший брат —
 Кто ж во всем виновен этом?
 Кто же в этом виноват?..

Ничего не примечая,
 В суету погружены,
 Оторвались от причала —
 Берега́ не видим мы.

⁹ Вместе с Литературно-мемориальным музеем Достоевского в Санкт-Петербурге он с 1993 года выпускал его как ежегодный альманах, который продолжает издаваться в Петербурге, в то время как с 2018 года под тем же заглавием выходит ежеквартальный журнал.

¹⁰ Карен Степанян. Фрагменты из дневника // Нева. 2016. № 5, 12; 2017. № 6, 11; 2018. № 4.

¹¹ Карен Степанян. Фрагменты из дневника (2017—2018) // Нева. 2018. № 4. С. 131.

Мы вперед так быстро плыли,
Уцепившись за скамьи,
Мы так редко говорили —
Отчего? Пойди пойми!..

Путешествуя в культуру,
Шел он, тихо погружен
Лишь в нее, в литературу —
В эту заводь, в этот сон.

Был он самый тихий ратник —
Не идальго, не буян.
Жил он скромно и приватно,
Страстью к слову обуян?

Жил он так, как рыцарь бедный,
Молчаливый и простой:
С виду сумрачный и бледный —
Духом смелый и прямой!

Он носил в конце потехи
В продолжение поста
Достиженья, как доспехи,
И казалось: жизнь проста.

И мечталось ему только
Довершить свой ратный труд
Подышать еще немного,
Зачехлить свой меч и прут.

Но до рыцаря на небе,
Знать, пречистой недосуг —
Скачут лошади свирепей,
Чаще хлещет спины кнут,

Вот домчались. В гости к Богу
Вновь никто не опоздал —
Только ангел у порога
Все же ратника встречал,

Вышел брат, помчались кони,
Хоть ямщик не трогал кнут —
Оглянулся: нет погони —
Впереди, конечно, ждут...